

4. *Курешева Л. А.* Повести о богатырях в «Русских сказках» В. А. Левшина: сказочно-историческая модель повествования. Новосибирск, 2009.

5. [Новиков Н. И.] Живописец, еженедельное на 1772 год сочинение. СПб., 1772.

6. *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1, вып. 2.

7. *Творогов Л. А.* Как было открыто «Слово о полку Игореве» // Псков. правда. 1945. 14 нояб., № 215. С. 2.

8. *Тредиаковский В. К.* Предъизъяснение об Ироической Пииме // Сочинения Тредиаковского. СПб., 1849. Т. 2, отд-ние 1.

9. *Херасков М. М.* Бахариана, или Незвестный. М., 1803.

10. *Херасков М. М.* Пилигримы // Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. М., 1802. Ч. 3. С. 157–322.

11. *Херасков М. М.* Полидор, сын Кадма и Гармонии // Там же. Ч. 11.

М. В. Дудорова, Т. В. Цыганов

г. Екатеринбург

Пространственный образ «Кабак» в поэзии А. Блока и С. Есенина*

В России традиционно каба́к осознается не просто как питейное заведение, а как сложный культурный феномен, что обусловлено множеством исторических, экономических, политических и национально-психологических особенностей. «История кабаков в России», написанная И. Г. Прыжовым в середине XIX в., по сути своей стала историей страны сквозь призму «питейного дела», которое касалось всех сфер жизни народа. И. Г. Прыжов отметил важную психологическую особенность восприятия пьянства русскими людьми, которые «видели в пьянстве Божье наказание и в то же время, испивая смертную чашу, протестовали этим против разных общественных благ, иначе — пили с горя» [2, с. 5]. В фольклоре сохранился образ кабака как гиблого места, которое можно поставить в один ряд с таким традиционным для народного творчества

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых российских ученых-кандидатов наук МК-6962.2010.6.

© Дудорова М. В., Цыганов Т. В., 2012

локусом, как «болото». Неудивительно, что не только фольклорные, но и литературные персонажи часто становятся посетителями кабаков — например, герои классиков русской литературы Н. А. Некрасова или Ф. М. Достоевского. Не обошли стороной образ кабака и классики литературы XX в.

Для анализа пространственного образа «Кабак» мы выбрали двух непохожих авторов — А. Блока и С. Есенина, чтобы рассмотреть то общее, национально-специфическое, что поэты могли найти в образе кабака, а также то, как данный пространственный образ связан с индивидуальной авторской картиной мира. Анализ проводится по модели, основанной в работе [1].

Оба поэта почти не используют лексемы с семантикой цвета для непосредственной характеристики пространства кабака. Однако нельзя сказать, что цвет не играет значительной роли в восприятии этого пространства. В стихотворениях А. Блока цвет является показателем границы пространств и позволяет оценить положение кабака относительно других пространственных образов, в этом случае принципиальным становится противопоставление теплых и холодных цветов. Теплые цвета характеризуют сущности реального пространства города, например, желтый и красный спектр связаны с образом зари: *Под красной зарей вдалеке / Гуляет в полях Невидимка* (А. Блок «Невидимка»); *Сожжено и развинуто бледное небо, / И на желтой заре — фонари* (А. Блок «В ресторане»), которая, в свою очередь, на основе сходства цвета сливается с образом крови: *Вам сладко вздыхать о любви, / Слепые, продажные твари? / Кто небо запачкал в крови? / Кто вывесил красный фонарик?* (А. Блок «Невидимка»).

Город осознается героем как жестокое и враждебное пространство хаоса. Холодные же цвета относятся к объектам ирреального пространства сна, который представляет собой мир гармонии: *А они проходили всё мимо, / Смутно каждая в сердце тая, / Чтоб навеки, ни с кем не сравнимой, / Отлететь в голубые края* (А. Блок «В кабаках, в переулках, в извивах...»); *Веселье в ночном кабаке. / Над городом синяя дымка* (А. Блок «Невидимка»).

Такую же функцию выполняет противопоставление света и темноты: *Все кричали у круглых столов, / Беспокойно меняя место. / Было тускло от винных паров. / Вдруг кто-то вошел — и сквозь гул голосов / Сказал: «Вот моя невеста»* (А. Блок. «Все кричали у круглых столов...»); *И странной близостью закованный, / Смотрю за темную вуаль, / И вижу берег очарованный / И очарованную даль* (А. Блок «Незнакомка»); *В глухую темень искры мечет, / От искр всю ночь, всю ночь светло... / Бубенчик*

под дугой лепечет / О том, что счастье прошло... (А. Блок «Я пригвожден к трактирной стойке...»).

«Темная вуаль», «глухая темень», «Было тускло от винных паров» — эти характеристики формируют пространство полусна, образы света же, такие как «заря», «искры», «фонари», относятся к реальному пространству природы или города, которое подчеркивает неясность состояния лирического героя, находящегося внутри ресторана или кабака, пространство которого сливается с пространством полусна.

В произведениях С. Есенина цвет и свет выполняют иную функцию — они характеризуют эмоциональную подавленность лирического субъекта внутри описываемого пространства: *Что-то всеми навек утрачено. / Май мой синий! Июнь голубой!* (С. Есенин «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...»)

Реальному освещенному пространству города герой противопоставляет не темный кабак, а собственное душевное состояние: *Мутно гляжу на окна. / В сердце тоска и зной. / Катится, в солнце измокнув, / Улица передо мной* (С. Есенин «Грубым дается радость...»).

В целом визуальное восприятие кабака остается схожим у обоих авторов: и герой А. Блока, и герой С. Есенина ощущают недостаток света, однако не доходящий до полной темноты, возможно, это является причиной небольшого цветового разнообразия внутри питейного заведения. Тусклость (например, «Было тускло от винных паров» у Блока), мутность (например, «Мутно гляжу на окна» у Есенина) передают ощущение неясности, неопределенности происходящего.

Неодушевленным предметам, заполняющим пространство кабака, в произведениях Блока уделяется больше внимания, чем в произведениях Есенина. Лексемы, обозначающие посуду (бокал, стакан, бутылка), у обоих поэтов связаны с темами одиночества, бесприютности и безысходности: *И каждый вечер друг единственный / В моем стакане отражен / И влагой терпкой и таинственной, / Как я, смирен и оглушен* (А. Блок «Незнакомка»); *Я уж готов. Я робкий. / Глянь на бутылках рать! / Я собираю пробки — / Душу мою затыкать* (С. Есенин «Грубым дается радость...»).

Наиболее типичные же заполнители кабака — это одушевленные объекты: «лакеи», «пьяницы», «проститутки» у Блока и «бандиты» и «проститутки» у Есенина, которые характеризуют кабак как пространство социального дна, где не действуют ни государственные, ни общечеловеческие законы: *И ломится в черный притон / Ватага веселых и пьяных, / И каждый во мглу увлечен / Толпой проститутток румяных...*

(А. Блок «Невидимка»); *Шум и гам в этом логове жутком, / Но всю ночь напролет, до зари, / Я читаю стихи проституткам / И с бандитами жарю спирт* (С. Есенин «Да! Теперь решено. Без возврата...»).

Кроме этого у А. А. Блока появляется образ незнакомки, совершенно нехарактерный для подобных произведений Есенина. Незнакомка — чуждый элемент в пространстве кабака, она является частью пространства полусна, о чем свидетельствуют маркеры неясности, которые сопровождают этот образ: *Из хрустального тумана, / Из невиданного сна / Чей-то образ, чей-то странный... / (В кабинете ресторана / За бутылкою вина)* (А. Блок «Из хрустального тумана...»); *И каждый вечер, в час назначенный / (Иль это только снится мне?), / Девичий стан, шелками схваченный, / В туманном движется окне* (А. Блок «Незнакомка»).

Противопоставляя незнакомку остальным, автор противопоставляет пространство реальное виртуальному пространству, однако тот факт, что объект виртуального пространства полусна находится в реальном пространстве кабака, позволяет герою удерживаться на грани между миром действительным и миром идеальным.

Для обоих авторов характерно наличие материальной преграды — окна, которое связывает пространство кабака с пространством города: *Девичий стан, шелками схваченный, / В туманном движется окне* (А. Блок «Незнакомка»); *Мутно гляжу на окна. / В сердце тоска и зной* (С. Есенин «Грубым дается радость...»).

Кроме того, у Блока мы находим также нематериальную преграду: «серебристый дым», «хрустальный туман», который связывает реальное пространство с виртуальным.

В ряде стихотворений пространство кабака не имеет преграды, органично включаясь в пространство города, что характерно как для Блока, так и для Есенина: *В кабаках, в переулках, в извивах, / В электрическом сне наяву / Я искал бесконечно красивых / И бессмертно влюбленных в молву* (А. Блок «В кабаках, в переулках, в извивах...»); *Жаль мне себя немного, / Жалко бездомных собак. / Эта прямая дорога / Меня привела в кабак* (С. Есенин «Грубым дается радость...»); *А когда ночью светит месяц, / Когда светит... черт знает как! / Я иду, головую свесясь, / Переулком в знакомый кабак* (С. Есенин «Да! Теперь решено. Без возврата...»).

При этом город понимается скорее как ограниченное пространство — своеобразный коридор или лабиринт, в котором кабак — один из возможных тупиков или переходов.

Для передачи акустического восприятия пространства оба автора используют схожие средства. Основным источником звука в кабаке

являются наполняющие его люди. Доминантой звукового восприятия служит постоянный шум, в котором трудно что-либо различить (например, «гул голосов», «окрики пьяные» у А. Блока и «громкие речи», «шум и гам» у С. Есенина). Иногда в качестве источника звука появляются музыкальные инструменты, однако они не привносят музыкальной гармонии в мир кабака, не вступают в противодействие с окружающим шумом, а сливаются с ним и усиливают его. У Блока мы видим следующие характеристики мелодий: «визг напева», «скрипок вопль», «цыганка визжала», которые говорят о том, что музыка вторит голосам людей, находящихся в кабаке. У Есенина музыка передает общее впечатление субъекта от происходящего: *Снова пьют здесь, дерутся и плачут / Под гармоники желтую грусть.*

Во второй строке стихотворения «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» воедино сливаются зрительное восприятие, акустическое восприятие и эмоциональное состояние субъекта, и его грусть становится категорией материального мира, обладающей цветом и способной издавать звуки.

Одной из важнейших характеристик пространства «Кабак» является запах. Восприятие запаха отчасти повторяет восприятие цвета, отчасти дополняет его. Взаимодействие запахов в стихотворениях А. Блока осуществляется по той же схеме, что и взаимодействие цветов: с одной стороны — ощущение духоты («было тускло от винных паров», «весенний и тлетворный дух»), с другой — ощущение свежести («дыша духами и туманами», «вздохнули духи»). Носителем свежести, приятного запаха снова становится незнакомка, объект ирреального пространства, а неприятный запах — это характеристика реального пространства кабака и пространства города в целом. Таким образом, система запахов у А. Блока подкрепляет идею противодействия реального и ирреального пространств.

В поэтическом мире С. Есенина запах кабака прочно ассоциируется с идеями смерти и разложения: *Не с того ль так чадит мертвячиной / Над пропащею этой гульбой; Нет! таких не подмять, не рассеять. / Бесшабашность им гнилью дана* (С. Есенин «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...»).

Внутри этого пространства герой не находит альтернативы резким и неприятным запахам. Это вносит существенные изменения в эмоциональное состояние героя: грусть и тоска смешиваются с физиологическим отвращением к действительности.

И А. Блок, и С. Есенин представляют пространство кабака как динамическое, замечая хаотичность и бессмысленность всех движений

внутри этого пространства. Однако принципиально различна позиция лирического субъекта по отношению к движущимся объектам, в первую очередь к людям.

Герой Блока в начале стихотворения обычно находится внутри кабака и не покидает его до конца, сохраняя неподвижность и не взаимодействуя с окружающим живым миром (например, «Я пригвожден к трактирной стойке»). Даже в стихотворении «В ресторане» герой обращается к незнакомке посредством неодушевленных предметов: бокала шампанского и черной розы. Незнакомка же обычно противопоставляется и лирическому субъекту (как объект движущийся), и всем остальным объектам пространства (как носитель целенаправленного, осмысленного движения): *Я пригвожден к трактирной стойке. / Я пьян давно. Мне всё — равно. / Вон счастье мое — на тройке / В серебристый дым унесено...* (А. Блок «Я пригвожден к трактирной стойке...»); *И медленно, пройдя меж пьяными, / Всегда без спутников, одна, / Дыша духами и туманами, / Она садится у окна* (А. Блок «Незнакомка»).

Она становится для лирического субъекта носителем смысла в бессмысленном мире, и именно этот смысл герой Блока пытается постичь, наблюдая за движением незнакомки.

Лирический субъект Есенина более динамичен. В рамках одного стихотворения он может перемещаться и физически: между пространством города и пространством кабака, и психологически (через воспоминания): между пространством кабака и пространством родного дома. Кроме того, лирический субъект в произведениях С. Есенина активно взаимодействует с людьми, наполняющими кабак (например, *Я читаю стихи проституткам / И с бандитами жарю спирт*). Для него хаотическое движение внутри кабака — это хаос всеобщий, присущий не только кабаку, но и всей стране, о чем говорят строки: *Но, погребальной грусти внемля, / Я для себя сложил бы так: / Любил он родину и землю, / Как любит пьяница кабак* (С. Есенин «Гори, звезда моя, не падай...»), а также композиция стихотворения «Да! Теперь решено. Без возврата...», где после описания кабака субъект ассоциативно возвращается к описанию родного дома. В слиянии с этим хаосом герой видит восстановление гармонии с родиной, которое все-таки остается недостигнутым: слова «бандиты» и «проститутки» явно маркированы, т. е. субъект не может до конца отождествить себя с ними и остается чужеродным элементом в этой действительности.

Анализ пространственного образа «Кабак» в поэзии А. Блока и С. Есенина позволяет сделать следующие выводы.

В поэтическом мире А. Блока пространственный образ «Кабак» представляет собой одновременно и часть реально существующего пространства материального мира (в первую очередь — пространства города), который воспринимается всеми органами чувств, и часть ирреального, фантастического пространства идеального мира, который познается в эмоциях, ассоциациях, символах. Уникальность этого пространства заключается в том, что на территории кабака эти два мира могут соприкасаться, взаимодействовать, что функционально сближает кабак с другим важным для поэзии А. Блока пространственным образом — «Храм».

В мире С. Есенина пространственный образ «Кабак» принадлежит реальному пространству города, однако его восприятие происходит в основном не через органы чувств, а через переживания лирического субъекта, его особое эмоциональное состояние, в котором он находится, пребывая внутри кабака. В первую очередь, это связано с тем, что герой понимает кабак как часть большой системы — родины, причем такую часть, которая живет по тем же законам, что и вся система. То есть понимание своего отношения к кабаку, своего состояния внутри кабака для есенинского героя является ключом к разрешению вопроса о его отношении к родине.

1. *Дудорова М. В.* Категоризация пространства в поэтическом тексте (на материале поэзии И. Анненского) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.

2. *Прыжов И. Г.* История кабаков в России. М., 2009.